

© 2018 г.

А. А. ВЕРШИНИН

ЭДУАРД ДАЛАДЬЕ И ПОЛИТИКА «УМИРОТВОРЕНИЯ АГРЕССОРА» НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Вершинин Александр Александрович — к.и.н., преподаватель кафедры истории России XX—XXI вв. исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук (проект МК-6084.2018.6).

DOI: 10.31857/S000523100000108-2

Несмотря на сотни статей и книг, посвященных предпосылкам Второй мировой войны, политика «умиротворения агрессора», проводимая правительствами Великобритании и Франции в 1930-е гг., по-прежнему находится в центре внимания историков и сохраняет значение в контексте публичной дискуссии. У. Черчилль называл Вторую мировую «ненужной войной»¹, вкладывая в подобную характеристику вполне конкретный смысл: этой войны можно было избежать. С позиции историка начала XXI в. такое утверждение, безусловно, кажется необоснованным: слишком глубоки были международные противоречия, возникшие после 1918 г. и усугубленные великой депрессией, чтобы не вылиться в масштабный конфликт с участием великих держав. Однако Черчилль рассуждал как политик, лично наблюдавший за тем, как мир сползал в мировую войну, и хорошо понимавший, какие ошибки тогдашних властей к этому привели.

Зная все то, что последовало за падением Гитлера на Польшу 1 сентября 1939 г., трудно объяснить смысл политики западных держав в отношении Германии в предвоенный период. Особенно политика и действия Парижа кажутся одним большим парадоксом. Франция, понесшая крупнейшие потери в годы Первой мировой войны, ценой титанических усилий добившаяся хрупкого мира в 1919 г., казалось бы, должна была сделать все, чтобы купировать саму возможность германского реваншизма. Тот факт, что в предвоенное пятилетие она фактически отказалась от активной политики на этом направлении представляет собой важнейшую проблему, над решением которой уже не одно десятилетие работают историки всего мира.

Современную историографию участия Франции в политике «умиротворения агрессора» можно условно разделить на два направления. Одно из них рассматривает события с точки зрения концепции общего упадка Третьей республики в 1930-е гг. Речь идет о процессе постепенной деградации политических институтов Франции, который охватил и сферу принятия ключевых внешнеполитических решений. Особое внимание представители этого течения уделяют облику французской политической элиты. Ее недееспособность перед лицом германского напора и британской пассивности стала, по их мнению, важной предпосылкой начала Вто-

¹ Churchill W. The Second World War, v. 1. New York, 1986, p. XIV.

рой мировой войны². Другое направление в историографии, не отвергая полностью значения факторов, выделяемых их коллегами, на первый план выдвигает проблему объективной ограниченности того военного, политического и экономического инструментария, который в 1930-х гг. находился в распоряжении руководства Франции накануне войны³. По их мнению, вызовы, с которыми столкнулась страна, были беспрецедентны по своей сложности, и политика, проводимая французскими правительствами, как правило, не могла быть иной в сложившихся условиях.

Точки зрения, на которых стоят представители этих двух направлений в историографии, не являются взаимоисключающими. Для полного понимания причин провалов Франции на международном фронте в межвоенный период необходим синтез имеющихся подходов. Многие вещи, недавно казавшиеся окончательно установленными, в последнее время пересматриваются, благодаря появлению новых архивных документов. С этой точки зрения небезынтересно еще раз вернуться к политической деятельности человека, с именем которого неразрывно связано участие Парижа в политике «умиротворения» нацистской Германии.

Премьер-министр Франции Э. Даладье участием в подписании Мюнхенских соглашений 1938 г. подтолкнул свою страну и всю Европу к мировой войне. Однако эта очевидная констатация ставит целый ряд серьезных проблем. Где и когда начался путь Даладье в Мюнхен? Каковы были причины этого курса? Насколько велик удельный вес внешних и внутренних факторов, повлиявших на участие Франции в политике «умиротворения»? Наконец, были ли в распоряжении Даладье альтернативные варианты действий? Задачей данной статьи является поиск ответов на эти вопросы с конечной целью попытаться определить ту меру ответственности, которую несет Даладье, а в его лице и все военно-политическое руководство Третьей республики, за развязывание Второй мировой войны.

«ФРАНЦИИ НАСУЩНО НЕОБХОДИМЫ БЕЗОПАСНОСТЬ И МИР»

При всем многообразии оценок внешней политики Э. Даладье на посту премьер-министра бесспорно одно — она была тесно связана с теми настроениями, которые после Первой мировой войны доминировали как среди элиты, так и в широких слоях общественного мнения Франции. Уроженец южного департамента Воклюз, будущий глава правительства был выходцем из провинциальных средних слоев. В 1914 г. в 30-летнем возрасте он оставил карьеру преподавателя истории

---

² См. например: *Bankwitz P. C. F. Maxime Weygand and Civil—Military Relations in Modern France. Cambridge (Mass.), 1967; Adamthwaite A. France and the Coming of the Second World War, 1936—1939. London, 1977; Bédarida F. Edouard Daladier, chef du gouvernement. Paris, 1977; Duroselle J.-B. La Décadence. Paris, 1979; Doughty R. The Seeds of Disaster: The Development of French Army Doctrine, 1919—1939. Hamden (Conn.), 1985; Doise J., Vaïsse M. Diplomatie et outil militaire, 1871—1991. Paris, 1991; Jordan N. The Popular Front and Central Europe: The Dilemmas of French Impotence, 1918—1940. Cambridge, 1992. На схожих позициях традиционно стояла и отечественная историография: Белоусова З. С. Французская дипломатия накануне Мюнхена. М., 1964; Смирнов В. П. «Странная война» и поражение Франции. М., 1968; История Франции, в 3-х т. Отв. ред. А. З. Манфред. М., 1973; Малафеев К. А. Луи Барту — политик и дипломат. М., 1988; Обичкина Е. О. 1938—1939: французская дипломатия от «умиротворения» к «сдерживанию», или политика гарантий. — Вестник МГИМО (Университета): специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны; Narinski M. Les relations entre l'URSS et la France (1933—1937). — La France et l'URSS dans l'Europe des années 30. Narinski M., Réau E. du, Soutou G.-H., Tchoubarian A. (dir.). Paris, 2005.*

³ См. например: *Gunsburg J. Divided and Conquered: The French High Command and the Defeat of the West, 1940. Westport, 1979; Alexander M. S. The Republic in Danger: General Maurice Gamelin and the Politics of French Defence, 1935—1940. Cambridge, 1992; Réau E. du. Edouard Daladier, 1884—1970. Paris, 1993; Frank R. La hantise du déclin. La France 1920—1960: finances, défense et identité nationale. Paris, 1994; Young R. France and the Origins of the Second World War. London, 1996.*

в лице города Ним и добровольцем вступил в армию. Там он пережил самые тяжелые моменты войны и проникся теми чувствами, которые завладели умами миллионов французов на следующий день после заключения перемирия в 1918 г. Год спустя именно эти настроения сформировали повестку первой послевоенной кампании по выборам в парламент. Даладьё, как десятки других бывших фронтовиков ставший депутатом, изложил их суть в одной из первых своих официальных речей. Ее лейтмотив звучал предельно конкретно: «Франции, обескровленной и истерзанной, насущно необходимы безопасность и мир».

Вся речь Даладьё была проникнута тревогой. Вчерашние союзники Франции, англо-саксонские державы, после Версаля, фактически, вышли из игры. США, отказавшись от ратификации мирного договора, прямо отказались и от своих обязательств по поддержанию мира в Европе. Лондон дистанцировался от Парижа. Германия побеждена, но отнюдь не сокрушена. Она потенциально угрожает как Франции, так и молодым восточноевропейским государствам. Наиболее опасным вариантом развития событий было бы сотрудничество Германии с Советской Россией. «Я спрашиваю вас, — обращался Даладьё к депутатам, — не должна ли Франция учитывать эти факты, в особенности на фоне того, что франко-американский и франко-английский гарантийные пакты еще не подписаны, и само их подписание, по-видимому, откладывается»⁴.

Эти опасения будущего премьер-министра имели серьезные основания. Хотя французы и одержали победу, в послевоенном мире они чувствовали себя неуверенно. В 1914—1918 гг. страна в буквальном смысле истекла кровью. Ее безвозвратные потери составили 1,4 млн человек. Победенная Германия потеряла более 2 млн убитыми, но многочисленное население страны позволяло быстро компенсировать потери. Даже потерпевшая военное поражение и обложенная репарациями, Германия оставалась экономическим гигантом. Даладьё, посетивший страну в 1922 г., остался под сильным впечатлением от германской промышленности, лишь выросшей за годы войны. «Крупный немецкий капитал, — отмечал он, — извлек выгоду из поражения Германии и набрал такую силу, которую ему не смогли обеспечить годы процветания во времена империи»⁵.

Выступая в 1947 г. перед парламентской комиссией, назначенной для выяснения причин поражения 1940 г. и краха Третьей республики, Даладьё отмечал: «Начиная с первых лет по завершению войны 1914 г. я неизменно считал, что Франция могла бы сыграть роль лидера (международной. — А. В.) коалиции, однако была не в состоянии выступить в этом качестве, принимая во внимание понесенные ею огромные потери, на фоне других народов, более многочисленных и более сильных, чем она»⁶. Победа в современной войне обеспечивалась экономическим и демографическим превосходством, которого у Франции не было. Мирный договор в том виде, в котором его заключили летом 1919 г. в Версале, не давал ей надежных гарантий безопасности. Великобритания и США заблокировали предложение о передаче Франции левого берега Рейна. Репарации, которые должны были сыграть роль экономического рычага воздействия на Германию, в конечном итоге также оказались значительно урезаны.

Политика нажима на Германию не дала результатов: оккупация Рурской области в 1923 г., вызванная отказом немцев платить репарации, окончилась безрезультатно, во многом по причине нежелания Лондона поддержать действия Парижа.

⁴ Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Chambre des députés. 25.VI.1920.

⁵ Le Journal, 19.X.1922.

⁶ Rapport fait au nom de la Commission chargée d'enquêter sur les événements survenus en France de 1933 à 1945, t. 1. Paris, 1951, p. 11.

Более перспективным казался путь создания на восточной границе Германии системы союзов со странами, которые в случае новой войны могли бы оказать Франции военную помощь. В своей речи 1920 г. Даладьё говорил о целесообразности такой политики: «Я спрашиваю себя, не было ли бы в интересах Франции сплотить вокруг себя все молодые славянские народы»⁷. Ключевым этапом создания системы восточных союзов («Малой Антанты») стало заключение в феврале 1921 г. франко-польского соглашения о взаимопомощи.

Однако в послевоенном мире ослабленная Франция чувствовала свою большую зависимость от Великобритании в деле обеспечения безопасности на континенте. Именно здесь возникала серьезная проблема: после окончания Первой мировой войны интересы бывших союзников по Антанте во многом разошлись. В 1921 г. в разговоре с Д. Ллойд Джорджем на это прямо указал Ж. Клемансо: «Я должен Вам сказать, что на следующий день после перемирия я нашел в Вашем лице врага Франции». Его визави спокойно ответил: «Это всегда было нашей традиционной политикой»⁸. Традиционная политика Великобритании — недопущение доминирования на континенте одной державы — в 1920—1930-х годах объективно играла на руку Берлину. Восстановление Рейха в правах полноценного международного игрока предполагало ревизию Версальского договора (как считали в Лондоне, за счет тех статей, которые, по мнению британских дипломатов, изначально являлись «несостоятельными»⁹) и интеграцию Германии в систему международных отношений.

Взаимодействие с Великобританией потребовало от Франции принятия этих правил. В 1924 г. левоцентристское правительство Э. Эррио выдвинуло новый лозунг французской внешней политики — «арбитраж, безопасность, разоружение». Те же идеи в своей политике в отношении Германии на посту главы МИД Франции развивал А. Бриан¹⁰. На практике их реализация предполагала постепенное снятие с Германии ряда ограничений в обмен на признание ею новых правил игры — отказ от территориальных претензий, вхождение в Лигу Наций и признание ее авторитета при решении международных вопросов, в перспективе — переговоры о всеобщем разоружении и выработке единого формата социально-экономического развития Европы¹¹.

Внутри Франции это новое видение внешней политики опиралось на широкий общественный консенсус. Жесткий, но неудачный курс в отношении побежденной Германии стал одной из важных причин поражения правоцентристских сил на выборах 1924 г. Конструктивная международная повестка левоцентристского правительства «Картеля левых» казалась удачной альтернативой. Одной из опор новой коалиции стала партия радикалов и радикал-социалистов, видную роль в которой к середине 1920-х годов играл Даладьё (как ее член в 1924—1926 гг. он трижды занимал министерские посты). Его внешнеполитические взгляды эволюционировали вместе с симпатиями большинства французов. Он последовательно поддерживал внешнеполитическую линию Э. Эррио и А. Бриана.

В 1925 г. Даладьё приветствовал заключение Локарнских соглашений, а годом позже — вступление Берлина в Лигу Наций. Ему была близка идея Бриана о необходимости равноправного франко-германского диалога при участии других

⁷ Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Chambre des députés. 25.VI.1920.

⁸ Clemenceau G. Grandeurs et misères d'une victoire. Paris, 1973, p. 92—93.

⁹ Middlemas K. Diplomacy of Illusion: The British Government and Germany, 1937—1939. Aldershot, 1991, p. 11.

¹⁰ Вершинин А. А. Аристид Бриан. Политический портрет государственного деятеля и дипломата Франции. — Новая и новейшая история, 2017, № 1, с. 176—196.

¹¹ Подробнее см.: Unger G. Aristide Briand. Paris, 2005, p. 471—544.

европейских держав и при арбитраже Лиги Наций. На партийном съезде 1929 г. он в качестве лидера радикалов выступил с развернутой программой построения новой Европы. Федеративный Европейский союз должен был объединиться как единое экономическое целое, а в качестве его необходимой военно-политической скрепы рассматривалось всеобщее разоружение европейских государств под эгидой Лиги Наций¹². Как важный шаг к реализации этого проекта рассматривалась Международная конференция по разоружению, созванная в Женеве в 1932 г. Подобные взгляды разделялись большинством французских политиков. Однако, выступая 24 октября 1929 г. перед партийным съездом, Даладьё не знал, что в этот самый день за океаном разворачивались события, которые уже через несколько лет полностью обесценят те лозунги, которые он озвучивал с высокой трибуны. Крах нью-йоркской биржи, оказавшийся началом Великой депрессии, покончил с эрой стабильности 1920-х гг. и стал грозным предвестником скорой дестабилизации общественно-политической жизни в Европе.

Даладьё и Гитлер практически одновременно возглавили правительства своих стран. 30 января 1933 г. президент Германии П. фон Гинденбург назначил фюрера НСДАП рейхсканцлером. День спустя лидер радикалов сформировал свой первый кабинет. Новый премьер-министр Франции отдавал себе отчет в той опасности, которую влечет за собой приход к власти в Берлине экстремистов. Ни для кого во французской политической верхушке не было секретом, что Германия сохраняет серьезный военный потенциал. Второе бюро генерального штаба, военная разведка, регулярно докладывало об этом правительству, начиная с первых послевоенных лет¹³. Процессы в Рейхе также не ускользнули от внимания французских спецслужб. Центральное место в их донесениях уделялось быстрому росту популярности нацистов. На стол военно-политическому руководству Франции ложились отчеты, в деталях характеризовавшие нацистскую партию, ее программу и вождей.

Особый акцент делался на международной программе нацизма. В мае 1932 г. доклад Второго бюро специально отмечал, что изоляция Франции с ее последующим военным разгромом является стратегической целью Гитлера¹⁴. Внутриполитические цели нацистов, сводившиеся к установлению однопартийной диктатуры, также не вызывали сомнений у французских спецслужб. Они хорошо видели перспективу. «Второе бюро, — вспоминал его руководитель в 1930-е гг. М. Гоше, — всегда считало “Майн Кампф” важным, фундаментальным и абсолютно релевантным документом, который, если очистить его от перегибов и экстравагантной эмоциональности, как мы считали, содержал в себе руководство к будущим действиям Гитлера»¹⁵.

Как часто случается, достоверная информация, полученная спецслужбами, не всегда влечет за собой соответствующие выводы военно-политического руководства. Во Франции далеко не все видели в Гитлере серьезную угрозу. Одним из тех, кто считал фюрера договороспособным государственным деятелем, являлся французский посол в Берлине А. Франсуа-Понсе. По его мнению, судить о намерениях нового рейхсканцлера по материалам «Майн Кампф» было бы опрометчиво: действия политика, как правило, слабо связаны с тем, что он говорил или писал,

¹² *Le Radical*, 3.IX.1929.

¹³ *Jackson P.* France and the Nazi Menace. Intelligence and Policy Making, 1933—1939. New York, 2000, p. 47—48.

¹⁴ *Ibid.*, p. 56—57.

¹⁵ *Gauchet M.* Le deuxième bureau au travail (1935—1940). Paris, 1953, p. 32.

будучи не у власти и не неся никакой ответственности¹⁶. Франсуа-Понсе выражал настроения широких кругов французской элиты и общественного мнения.

События, разворачивавшиеся по ту сторону Рейна, влекли за собой настолько серьезные последствия, что большая часть французского общества, осознанно или нет, предпочитала их игнорировать. Пацифизм во Франции в межвоенный период, которым питались идеи примата арбитража, безопасности и разоружения, являлся не просто интеллектуальным течением. Он имел глубокие корни в общественной психологии, в стремлении нации избежать повторения массового кровопролития¹⁷. Пацифизм проецировался на политику, заставляя многих представителей элиты видеть в Гитлере того человека, которого они хотели видеть, но отнюдь не того, кем он на самом деле являлся.

Как и миллионы его соотечественников, Даладьё, солдатом прошедший окопы Вердена, опасался германской мощи и на определенном этапе оказался увлечен верой в то, что ее можно направить в мирное русло посредством равноправного диалога с Берлином при арбитраже Лиги Наций с последующим переходом к всеобщему разоружению. Между тем, следует признать, что на посту председателя правительства он достаточно точно определил ту угрозу, которая исходила от Германии и ее нового руководства. «Мы действовали так, — вспоминал Даладьё, — чтобы совместить два основных принципа французской политики: сохранить солидарность с нашими союзниками, не допустить изоляции Франции по экономическим и финансовым причинам, которые накладывались на причины политические, и, с другой стороны, сделать все, чтобы избежать массивного перевооружения Германии»¹⁸.

В 1933 г. вопросы о франко-германском соглашении и о расширении сотрудничества между Парижем и Лондоном решались на Международной конференции по разоружению в Женеве. Они были неразрывно связаны друг с другом. Немцы стремились любой ценой добиться права на равенство в вооружениях и, таким образом, ревизовать одну из наиболее тяжелых для Германии частей Версальского соглашения. Британцы, последовательно проводившие курс на полноценное возвращение Германии в международную политику, были склонны пойти на эту уступку и в качестве предварительного условия формирования единого с французами фронта на конференции выдвигали признание Парижем паритета вооружений с Рейхом.

Подобный взгляд явно диссонировал с тем, как сами французы смотрели на перспективы своих отношений с Германией. Проводя политику сближения с Берлином и идя на переговоры о сокращении вооружений, они всегда стремились сохранить за собой инструмент обеспечения собственной безопасности перед лицом потенциально более сильного восточного соседа. Вывод французских войск из Рейнской области в 1930 г. стал важным стимулом начала работ по созданию системы мощных укреплений на границе, получившей известность как линия Мажино. Новая оборонительная доктрина страны сочетала в себе приверженность идеям разоружения и неизбывный страх перед повторением событий 1914—1918 гг.

¹⁶ Documents diplomatiques français (1932—1939). 2-e série (1936—1939), t. 4. Paris, 1967, p. 309. Впоследствии в своих мемуарах посол напишет о том, что предвидел все негативные последствия прихода к власти нацистов: *François-Poncet A. Souvenirs d'une ambassade a Berlin*. Paris, 1946, p. 88.

¹⁷ Подробнее см.: *Le Pacifisme en Europe: des années 1920 aux années 1950*. Vaïsse M. (dir.). Brussels, 1993.

¹⁸ *Rapport fait au nom de la Commission chargée d'enquêter sur les événements survenus en France de 1933 a 1945*, p. 11.

«Бетонные конструкции и купола линии Мажино были порождением Женевской эры», — отмечает британский историк М. Александер¹⁹.

Иными словами, разоружение для Франции не было безусловным императивом внешней политики. Французы всегда действовали с оглядкой на реалии своего международного положения, которое налагало на них серьезные ограничения. Лондон также стремился к ликвидации военной угрозы, однако у британцев сформировалось иное видение проблемы. Географическое положение позволяло им не опасаться непосредственного нападения, что поощряло «внешнеполитический эгоизм» правящих кругов Великобритании и давало пищу для активной риторики в духе идей разоружения. В ситуации начала 1930-х гг. подобный подход объективно превращал Лондон в тактического союзника Берлина. Под их консолидированным нажимом Франция сдавала позиции. В декабре 1932 г. Эррио, возглавлявший французское правительство, признал в принципе право Германии на равенство в вооружениях при условии участия Берлина в выработке общего формата организации системы безопасности в Европе под международным контролем²⁰.

В январе 1933 г. Даладьё, впервые занявший премьерское кресло, столкнулся с необходимостью найти подобный формат. У власти в Германии теперь находился Гитлер. Он щедро раздавал миролюбивые обещания и делал реверансы в сторону Франции. 8 апреля рейхсканцлер впервые принял французского посла и попытался убедить его в своем миролюбии: «Я повторяю, что мое правительство искренне и глубоко привержено миру. Мы убеждены в том, что война, даже победоносная, принесла бы такие жертвы, что мы потеряли бы больше, чем выиграли»²¹. Франсуа-Понсе был склонен доверять новому лидеру Германии: «Что касается нас, мы не видим никакой причины пересматривать наши предыдущие оценки. Гитлер и его соратники стремятся к миру не потому, что они отказались от культа силы, а потому, что мир необходим им, и у них нет силы»²².

Лондонские дипломаты, вырвав у Эррио признание равенства в вооружениях с Германией, спешно подготовили план, который должен был, по их мнению, удовлетворить Берлин, одновременно успокоив Париж. По предложению премьер-министра Великобритании Дж. Р. Макдональда, предельной планкой численности вооруженных сил устанавливался уровень в 200 тыс. человек, что давало возможность Германии вдвое увеличить свою армию, а Францию обязывало сократить свои сухопутные силы. Париж не отказывался, однако ожидал дополнительных гарантий. Даладьё, впрочем, понимал, что смысл британской политики заключается отнюдь не в стремлении взять на себя обязательства на континенте. «С момента окончания Первой мировой войны, — отмечал он впоследствии, — Англия своим политическим идеалом неизменно видела роль арбитра между Германией и Францией, который встает то на одну, то на другую сторону с целью не допустить возникновения в Европе... господства, политической гегемонии, жертвой которой она могла бы стать»²³.

Даладьё настаивал на том, что равенство в вооружениях с Германией возможно лишь при наличии надежного механизма контроля над соблюдением сторонами

¹⁹ Alexander M. S. In Defense of the Maginot Line. Security Policy, Domestic Politics and the Economic Depression in France. — French Foreign and Defense Policy, 1918—1940. The Decline and Fall of a Great Power. Boyce R. (ed.). London — New York, 2005, p. 177.

²⁰ Duroselle J.-B. Op. cit., p. 42—43.

²¹ Documents diplomatiques français (1932—1939). 1er série (1932—1935), t. 3. Paris, 1967, p. 190.

²² Ibid., p. 563—564.

²³ Rapport fait au nom de la Commission chargée d'enquêter sur les événements survenus en France de 1933 à 1945, p. 11.

своих обязательств. Это требование на переговорах с британской и американской делегациями в июне 1933 г. Даладье защищал с тем упорством, благодаря которому с легкой руки газетчиков в свое время получил прозвище «воклюзский бык». Глава французского правительства подчеркивал, что Гитлеру доверять нельзя: «Одной речи Гитлера недостаточно для того, чтобы стереть из памяти другие речи, действия, провокации, столь смутившие французское общественное мнение... Германия была разоружена, но это больше не соответствует действительности, так как она практически восстановила свои вооруженные силы». Даладье прямо отмечал, что «не верит в искренность намерений Германии»²⁴. Однако переговоры окончились ничем. Делегации Великобритании и США заявили о готовности принять французский план только в том случае, если контроль будет установлен уже после того, как Франция начнет разоружаться.

Даладье пытался маневрировать. Летом 1933 г., понимая, что опереться на британскую поддержку не удастся, он активно подключился к итальянской инициативе заключения «Пакта четырех». Смысл проекта заключался в сотрудничестве Франции, Великобритании, Германии и Италии с целью обеспечения безопасности в Европе. За Германией, таким образом, фактически признавался статус великой европейской державы, что рассматривалось как определенная уступка Гитлеру. Однако конечные цели участников «Пакта четырех» далеко не совпадали, что стало ключевой причиной его провала. Парижу оставалось либо пойти на значительные уступки, либо отныне рассчитывать лишь на себя. Многие во Франции считали, что целесообразно выбрать первый путь. Однако среди элит и в общественном мнении еще существовал консенсус, ставивший во главу угла защиту национальных интересов страны и ее безопасность.

В 1933 г. Даладье действовал решительнее, чем пять лет спустя в преддверии Мюнхена, но и давление на него не было столь значительным. Взятую им линию в переговорах с Берлином и Лондоном продолжит министр иностранных дел нового правительства Л. Барту. При его участии 17 апреля 1934 г. Франция положила конец игре в разоружение, которая чем дальше, тем больше теряла смысл. В ноте французского правительства говорилось о бесполезности переговоров с Германией, которая вышла из Лиги Наций и начала открыто перевооружаться. В этой ситуации Франция ставила на первый план обеспечение собственной безопасности. «Ее приверженность к миру, — подытоживал документ, — не следует путать с отказом от обеспечения своей обороноспособности»²⁵. Лондон негодовал. Дело дошло до открытого обмена обвинениями на заседании Лиги Наций, однако Великобритании не оставалось ничего другого кроме как принять свершившийся факт. Действительность начала 1930-х годов была такова, что самостоятельность Франции в международных делах означала, прежде всего, самостоятельность от политики Форин офиса. Но для полной реализации этого курса Парижу требовались союзники, внешнеполитические интересы которых максимально бы соответствовали французским. Таким партнером мог стать Советский Союз.

В 1920 г. в своей первой большой речи перед парламентом Даладье специально коснулся вопроса об отношениях Франции и Советской России. То, что он говорил, не могло не смутить правое большинство палаты, пришедшее к власти годом раньше под громкими антибольшевистскими лозунгами. «Мне кажется, — отмечал Даладье, — что Франции стоило бы принять во внимание сложившуюся на сегодняшний день ситуацию. Несмотря ни на что, существует русский народ,

²⁴ Documents diplomatiques français (1932—1939). 1er série (1932—1935), t. 3, p. 679—685.

²⁵ Documents diplomatiques français (1932—1939). 1er série (1932—1935), t. 6. Paris, 1972, p. 272.

насчитывающий 170 млн человек. С этим необходимо считаться... Большевистское правительство, видимо, постепенно становится национальным правительством. Разве не в интересах Франции с этим считаться?»²⁶. Будущий премьер-министр укрепится в своих выводах после посещения Советской России в 1922 г. в составе делегации партии радикалов и радикал-социалистов. Эта поездка оказала на него сильное впечатление и навсегда преопределила его отношение к СССР. Стремление опереться на военный и политический потенциал огромной страны, непосредственно соседствующей с Германией, останется важным фактором, обусловившим его взгляды на международные отношения. В 1924 г. Даладье оказался в числе тех, кто приветствовал официальное признание Францией Советского Союза. Через восемь лет он активно поддержал заключение советско-французского пакта о ненападении.

Дуализм в отношении к СССР был характерен для всей французской политической элиты в межвоенный период. С одной стороны, во Франции распространение коммунистической идеологии вызывало особенно болезненную реакцию политических кругов. В то же время, постоянное ощущение потенциальной угрозы, исходящей от Германии, заставляло Париж, так или иначе, держать в уме «русский вариант». Советско-германское сотрудничество, начавшееся после заключения Рапальского договора 1922 г., вызывало во Франции серьезные опасения. Даладье предвидел его вероятность еще в 1920 г. и настойчиво призывал французских парламентариев не толкать большевиков в объятия Германии²⁷. Одно это обстоятельство заставляло сохранять каналы связи с Москвой открытыми. Но на то имелись и другие причины. В Париже чем дальше, тем яснее осознавали тот факт, что система восточных альянсов Третьей республики ненадежна. Дипломатия Польши, главного союзника Франции в Восточной Европе, в начале 1930-х годов становилась все менее предсказуемой: «Ее руководители, маршал Пилсудский и полковник Бек, вели внешнюю политику в стиле XVIII в. — в тайне и цинично»²⁸. Варшава действовала как самостоятельный игрок на международной арене. Верность других восточноевропейских союзников также вызывала в Париже сомнения.

В этой ситуации пакт о ненападении с СССР 1932 г. и последовавшее за ним сближение не могли не восприниматься как шаги к конструированию новой конфигурации французской внешней политики. Пришедшие к власти в 1932 г. радикалы считали взаимодействие с Москвой ее важной опорой, страхующей от непостоянства британской поддержки и непрочности «Малой Антанты». Даладье являлся одним из инициаторов этого поворота. В составе его первого правительства входил ряд просоветски настроенных политиков, в частности министр национального образования А. де Монзи и министр авиации П. Кот. В феврале 1933 г. Даладье добился успешной ратификации в парламенте советско-французского пакта о ненападении. Более того, он был готов пойти и дальше. По его поручению в Париже прошли переговоры с советской военно-технической миссией, отчет о которой сохранился в архивах. Чиновники военного министерства «с большой охотой» заявили о готовности Франции продать Советскому Союзу то вооружение, которое он пожелал бы приобрести. Одновременно Даладье поддержал идею об обмене военными атташе с СССР. Прибывшему в Париж в мае 1933 г. советскому атташе он заявил, что считает его «появление делом своих рук»²⁹.

²⁶ Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Chambre des députés. 25.VI.1920.

²⁷ Ibidem.

²⁸ Duroselle J.-B. Op. cit., p. 100.

²⁹ Российский государственный архив социально-политической истории, ф. 558, оп. 11, д. 431, л. 154; д. 432, л. 132.

Первое правительство Даладье продолжило курс на сближение с СССР, взятый в 1932 г. кабинетом Эррио и продолженный в 1934 г. Барту. Именно Барту довел его до логического завершения, предложив советскому правительству заключить договор о взаимопомощи, который фактически являлся основой военно-политического союза двух стран. С французской стороны переговоры вступили в активную фазу после появления ноты от 17 апреля 1934 г. и начала германо-польского сближения, инициированного заключенным между двумя странами пактом о ненападении от 26 января 1934 г. Советско-французское соглашение рассматривалось как важная основа так называемого Восточного пакта — всеохватывающей системы союзов, гарантирующей нерушимость границ в Восточной Европе. В сентябре 1934 г. благодаря французской поддержке СССР вступил в Лигу Наций.

Активизация Франции на восточном направлении вызвала недовольство Великобритании. В ходе непростых переговоров в Лондоне Барту отвел британские возражения против сближения с СССР. «Франция в кои-то веки решила делать то, что она хочет», — писал по этому поводу французский историк Ж.-Б. Дюрозель³⁰. Важно отметить, что ни Барту, ни Даладье ни в коей мере не сочувствовали коммунистической идеологии. Первый являлся одним из инициаторов политики санитарного кордона, жестко оппонировал советской делегации на переговорах в Генуе в 1922 г. Последний всегда оставался приверженцем парламентской демократии и свободного рынка. Однако политическая целесообразность и реалии международных отношений заставляли их корректировать свою позицию. Пример Барту здесь наиболее показателен. Ж.-Б. Дюрозель ссылаясь на мнение многолетнего полпреда СССР в Лондоне И. М. Майского, который называл Барту «вторым Черчиллем», имея в виду его реализм, сосуществующий с антикоммунизмом³¹.

Если в сфере принятия внешнеполитических решений существуют закономерности, то применительно к Франции 1930-х годов можно сделать важное наблюдение: чем увереннее Париж чувствовал себя на международной арене, тем теснее он взаимодействовал с Москвой; чем слабее он казался, тем активнее шел навстречу пожеланиям Великобритании. Курс на сотрудничество с СССР объективно соответствовал жизненно важным задачам обеспечения безопасности Франции, но проводить его мог лишь сильный политик, готовый преодолевать мощное сопротивление среды. Во Франции межвоенного периода все то, что касалось Советского Союза, делило политический класс и общество в целом на два лагеря. Значительным влиянием обладали те, для кого СССР и его политика были неотделимы от коммунистической идеологии, которая рассматривалась как угроза самому буржуазному обществу и его образу жизни.

Эти настроения лишь усиливались по мере углубления экономического кризиса. Социальная поляризация росла, а вместе с ней — и влияние коммунистической идеологии. Реакцией на это было распространение антикоммунизма во всевозможных формах. В начале 1938 г. в беседе с французским послом в Москве Р. Кулондром нарком иностранных дел М. М. Литвинов отметил, что если бы СССР жаловался по поводу каждого антисоветского выступления во французском парламенте, то успел бы всем «надоеть»³². Страх перед экспансией коммунизма стал одним из приводных механизмов активизации правоконсервативных общественных движений. Он завладел умами многих представителей элиты.

³⁰ Duroselle J.-B. Op. cit., p. 109.

³¹ Ibid., p. 92.

³² Карлей М. Дж. «Только СССР имеет... чистые руки»: Советский Союз, коллективная безопасность в Европе и судьба Чехословакии (1934—1938 годы). — Новая и новейшая история, 2012, № 1, с. 62.

Так, уже в разгар Судетского кризиса, П.-Э. Фланден, бывший министр и глава правительства, оказался в числе подписавших петицию, обличавшую коммунистов как агентов некоей «окультистической силы», которая толкала Францию к войне³³. Сильны были антикоммунистические настроения и среди военных. «Для военных, — отмечает современный западный исследователь, — коммунизм оставался абсолютным врагом. Он не только ставил под угрозу их социальное и политическое положение, но и представлял собой абсолютную противоположность всем их политическим, социальным и моральным ценностям»³⁴.

Во второй половине 1930-х годов многие из этих людей оказались во власти. Убеденный антикоммунист П. Лаваль сменил Барту, убитого в октябре 1934 г. в Марселе, на посту министра иностранных дел и фактически развернул на 180 градусов его политику сближения с СССР. Подписанный им в мае 1935 г. пакт о взаимопомощи между двумя странами оказался выхолащенным, лишенным реального содержания. М. Вейгана, не испытывавшего сочувствия к советской власти, но считавшего при этом сотрудничество с СССР необходимым, на посту главного инспектора французской армии (фактически главнокомандующего) сменил генерал М. Гамелен, гораздо более сдержанный в отношении перспектив сотрудничества с СССР и склонный прислушиваться к мнению исповедовавшего антикоммунистические воззрения высшего генералитета.

Даладьё не относился к числу тех людей, которые смогли бы переломить столь мощное сопротивление. Он не был глубоким интеллектуалом как Барту, который мог проникнуть в суть проблемы и рациональными доводами убедить себя и окружающих в необходимости непопулярных в обществе шагов. Не являлся он и носителем сильного волевого начала, как Клемансо, который жертвовал своими убеждениями ради достижения более важной цели. Даладьё стремился учесть все возможные обстоятельства, что в ситуации сложной политической обстановки было объективно невозможно. Ж. Жаненэ, в 1930-е годы занимавший пост председателя французского Сената, называл Даладьё человеком «без ориентиров, раздираемым мнениями тех, с кем он советовался, подверженным частой перемене точек зрения, часто делающим вывод в пользу того, кого он выслушал последним... Именно этим отчасти объясняется природа его обыкновения хранить молчание, по сути своей трусливого, но в то же время производящего сильное впечатление. Он ощущал на себе груз собственной нерешительности»³⁵.

Эта проблема обуславливалась не только личными качествами Даладьё. На период его нахождения у власти пришелся пик деградации политических институтов Третьей республики. Они оказались неприспособленными к реалиям эпохи, наступившей после Первой мировой войны. Рост политической активности масс, обострение социального вопроса, беспрецедентный по своим последствиям экономический кризис — для решения этих проблем стране требовалась дееспособная исполнительная власть. Однако именно ее во Франции в 1930-е годы не существовало. Бескомпромиссная борьба партий, обострявшаяся в результате углубления социальных противоречий, чем дальше, тем сильнее разрушала хрупкий консенсус, на котором зиждилось политическое единство страны.

³³ *Lacaze Y.* Daladier, Bonnet and the Decision-Making Process during the Munich Crisis, 1938. — *French Foreign and Defense Policy, 1918—1940. The Decline and Fall of a Great Power.* Boyce R. (ed.), p. 225.

³⁴ *Muller K.-J.* L'anticommunisme et les militaires en France et en Allemagne (1920—1940). — *Militaires en République, 1870—1962. Les officiers, le pouvoir et la vie publique en France.* Forcade O., Duhamel E., Vial P. (dir). Paris, 1999, p. 446.

³⁵ *Jeanneney J.* Journal politique: septembre 1939—juillet 1942. Paris, 1972, p. 19.

Значительная часть общества и элит считала республиканские институты настолько несправедливыми, что была готова принести их в жертву, даже если речь шла о сдаче национальных интересов. В этой ситуации французское правительство окончательно превратилось в заложника непрозрачных парламентских комбинаций³⁶. Всю гамму противоборствующих взглядов на перспективы развития страны невозможно было привести к общему знаменателю, однако Даладьё пытался максимально их учесть. Результатом являлся фактический паралич исполнительной власти, чем дальше, тем больше терявшей способность принимать ясные внутри- и внешнеполитические решения.

На 1934 г. пришелся последний подъем внешней политики Третьей Республики. После убийства Барту она войдет в затяжное пике, переживет фиаско в 1938 г. в Мюнхене и в итоге приведет страну к национальной катастрофе 1940 г. После 1934 г. Франция будет лишь слабеть: экономика продолжит сокращаться, общественный раскол — углубляться, партийная борьба — обостряться, а исполнительная власть — терять авторитет и возможность влиять на положение дел внутри страны и вовне. Все более предпочтительной альтернативой самостоятельной внешней политике, опирающейся на союз с СССР, будет выглядеть роль младшего партнера Великобритании, не слишком почетная для великой европейской державы, но обеспечивающая иллюзию «сильного плеча», а кроме того — сохраняющая подобие внутреннего мира. Едва ли Даладьё считал этот выбор хорошим, однако именно ему пришлось его окончательно сделать.

«ФРАНЦИЯ ПРИДЕТ К КАТАСТРОФЕ»

Парадоксальным может показаться тот факт, что окончательный отказ Парижа от самостоятельной роли в международной политике пришелся на период нахождения у власти правительства, которое основой своей программы сделало лозунг борьбы против фашистской угрозы внутри страны и вовне ее. Образовавшееся по итогам парламентских выборов мая 1936 г. правительство Народного фронта опиралось на поддержку радикалов, социалистов и коммунистов. Впервые в истории Третьей республики его возглавил социалист Л. Блюм³⁷. Пост министра иностранных дел достался видному радикалу И. Дельбосу. Даладьё получил ключевой пост военного министра. Ему выпала нелегкая задача реформирования армии — опоры самостоятельной внешней политики Франции.

Программа перевооружения французской армии стартовала в 1934 г. после окончательного провала планов всеобщего разоружения, однако реализовывалась медленно и непоследовательно. Заняв пост военного министра в кабинете Блюма, Даладьё предложил новый подход к строительству вооруженных сил, который логически вытекал из изменившейся международной обстановки. Он не кривил душой, когда в 1947 г. в своем выступлении перед парламентской комиссией говорил о тех мотивах, которые в 1936 г. двигали им на посту министра: «Если Франция сама обеспечивает свою безопасность перед лицом Германии, ей необходимо вооружаться»³⁸. Даладьё хорошо понимал, что стране нужна современная армия, способная противостоять Вермахту на поле боя. В его архиве отложился отчет разведки

³⁶ О политическом кризисе поздней Третьей республики см. подробнее: *Winock M. La rupture des équilibres, 1914—1939. — La République recommencée, de 1914 a nos jours. Berstein S., Winock M. (dir). Paris, 2008, p. 107—118.*

³⁷ *Вершинин А. А. Леон Блюм: штрихи к политическому портрету. — Новая и новейшая история, 2013, № 4, с. 133—158.*

³⁸ *Rapport fait au nom de la Commission chargée d'enquêter sur les événements survenus en France de 1933 a 1945, p. 14.*

о состоянии вооруженных сил Германии, датированный 1 июнем 1936 г., в котором подчеркивалось особое значение бронетанковых войск в германском военном планировании³⁹.

По предложению Даладье и высшего генералитета в сентябре 1936 г. правительство Блюма провело через парламент четырехлетнюю программу перевооружения армии, беспрецедентную по своим масштабам. Инвестиции в размере 14 млрд франков должны были обеспечить создание во Франции новых вооруженных сил. К концу 1940 г. они должны были получить 3 800 танков, 7 тыс. единиц противотанковой и 10 тыс. единиц полевой артиллерии последних моделей, 12 500 бронетранспортеров, значительное число средств противовоздушной обороны. Структурные реформы военно-промышленного комплекса, включая серию национализаций, должны были вдвое увеличить его производительность⁴⁰. В историографии распространено мнение о том, что военно-политическое руководство Франции накануне войны недооценивало роль новых видов вооружения и возможности их применения на поле боя. Это лишь отчасти соответствует действительности. В рамках реализации программы перевооружения начальник генерального штаба генерал Гамелен предполагал создание минимум трех бронетанковых дивизий и моторизацию 10 из 20 французских дивизий мирного времени⁴¹.

Даладье, видимо, как организатор проявлял такие свои лучшие качества, как умение концентрироваться на решении задачи, которая уже поставлена, наметить приоритеты, подобрать нужных людей. К сожалению, как политик и стратег он действовал далеко не так уверенно. Реформируемая им французская армия оставалась силой, перед которой стояли исключительно оборонительные задачи⁴². Один этот факт серьезно ограничивал ее потенциал как рычага влияния Франции на международные события. На протяжении всего межвоенного периода вызревало то противоречие, которое в конечном итоге парализует волю Парижа в разгар Судетского кризиса: как совместить созданную им разветвленную систему соглашений о взаимопомощи с фактом наличия армии, которая призвана лишь обороняться за фортами линии Мажино? Эта дилемма была частным случаем более фундаментальной проблемы, которая обострилась во второй половине 1930-х годов: как поддержать ту международную конструкцию, на которой зиждилась безопасность Франции, без активной внешней политики, основанной на идее примата национального интереса?

Даладье, как ветеран Первой мировой войны, на личном опыте усвоил те несколько ключевых идей, которыми руководствовались французские политики, формулируя основы внешней и оборонной политики страны. Во-первых, Франция не должна допустить новой кровопролитной войны на истощение на своей территории. Во-вторых, она не сможет противостоять Германии в одиночку. Это не обязательно предполагало пассивную стратегию внешней политики и фактический отказ от следования национальным интересам ради формального единства действий с Великобританией, однако именно на этот путь Франция встала во второй половине 1930-годов.

Рассуждая о природе войны, К. фон Клаузевиц подчеркивал, что «стратегия... должна поставить военным действиям в целом такую цель, которая соответствовала

³⁹ Réau E. du. Édouard Daladier, 1884—1970, p. 181.

⁴⁰ Garraud P. La politique française de réarmement de 1936 à 1940: priorités et contraintes. — *Guerres mondiales et conflits contemporains*, 2005, v. 3, № 219, p. 95.

⁴¹ Alexander M. S. *The Republic in Danger*, p. 110—111.

⁴² Подробнее см.: Duroselle J.-B. *Op. cit.*; Alexander M. S. *The Republic in Danger*.

бы смыслу войны»⁴³. Если применить эту формулу к внешней политике Франции во второй половине 1930-х гг., то придется констатировать, что тогда никакой единой стратегии обеспечения международных позиций страны в Париже не было. Цель сохранения оформившегося в Версале статус-кво, который закреплял безопасность Франции, звучала слишком абстрактно, чтобы диктовать конкретный набор шагов. Между тем различные политические силы страны, различные группы внутри элиты предлагали свои алгоритмы действий. Резкая политизация всей общественной жизни как результат социальных последствий кризиса привела к тому, что эти внешне-политические программы стали объектами острой политической борьбы.

Единство стратегии разрушалось не только партиями и движениями. Если ряд политиков, неся определенную ответственность перед общественным мнением, на определенном этапе склонялся к активным действиям на международной арене, то военные неизменно исходили из того, что любые шаги в этом направлении чреваты военной угрозой, а к войне Франция не готова. В марте 1936 г. именно так звучал ответ генерала Гамелена на вопрос министров о том, способны ли вооруженные силы отбросить Вермахт, вторгшийся в Рейнскую демилитаризованную зону: «После того, как мы войдем в (Рейнскую. — А. В.) зону, начнется война. Эта ситуация потребует объявления всеобщей мобилизации»⁴⁴. Историки сегодня приходят к выводу, что высшее военное командование осознанно завывало немецкие силы на Рейне, чтобы заставить политиков отказаться от активных действий⁴⁵.

В подобной ситуации на первый план выходила проблема политической ответственности и наличия такого лидера, который бы мог ее на себя взять, навязав единство стратегии всем центрам принятия решений. Однако в ситуации кризиса институтов Третьей республики и деградации ее элит, подобной фигуры так и не появилось. Блюм и Даладьё могли бы составить тандем, который бы ее заменил, однако в ходе межпартийной борьбы, резко обострившейся после прихода к власти кабинетов Народного фронта, они предпочли пожертвовать единством стратегии ради достижения иллюзии внутривнутриполитического мира. Все те, кто во Франции опасался подъема левых сил и социальной революции, исповедовали антикоммунизм, сделали агрессивный пацифизм своим оружием в борьбе против новой власти. Тактика частичных уступок обрекла правительство на пассивность в международных делах и, во многом, навязала стране роль второй скрипки в оркестре, которым дирижировал Форин офис.

Уже в июне 1936 г. перед правительством Блюма встала непростая дилемма. В Испании произошел военный мятеж, и республиканское правительство обратилось к Франции за помощью вооружением. Французские правые выступили резко против помощи испанской республике⁴⁶. Великобритания, как и в случае с Рейнской областью несколькими месяцами ранее, сочла за благо остаться в стороне от событий, непосредственно не затрагивавших ее безопасность и прямые интересы на континенте. Она предупредила французское правительство, что действовать на Пиренейском полуострове ему предстоит на свой страх и риск. Мнение британского руководства не изменил тот факт, что Италия и Германия вскоре активно включились в ход гражданской войны на стороне франкистов. Париж оказался перед судьбоносной развилкой: решиться на самостоятельные действия по обеспечению

⁴³ Клаузевиц К. фон. О войне. М., 1984, с. 108.

⁴⁴ Documents diplomatiques français (1932—1939). 2e série (1936—1939), t. 1. Paris, 1963, p. 444.

⁴⁵ Ragsdale H. The Soviets, the Munich Crisis, and the Coming of World War II. New York, 2004, p. 41.

⁴⁶ Le Figaro, 25.VII.1936; Le Temps, 27.VII.1936.

непосредственных интересов страны или пассивно наблюдать за очередным актом разрушения конструкции европейской безопасности.

Точка зрения Даладьё звучала однозначно: «Решаясь на подобную интервенцию..., мы рисковали бы остаться один на один с Германией и Италией, опираясь на посредственную поддержку далекой и ослабленной России без всяких гарантий помощи со стороны Великобритании»⁴⁷. Чем более неуверенно чувствовало себя французское правительство внутри страны и на внешнеполитической арене, тем более ценной представлялась помощь Лондона и менее выгодным казалось содействие «далекой и ослабленной России», являющейся, к тому же, оплотом мирового коммунистического движения. Лидеры Народного фронта хорошо понимали, какую стратегическую роль в Европе играет СССР. В ноябре 1936 г. Блюм решил вдохнуть жизнь в практически умерший пакт о взаимопомощи с Москвой и поставил вопрос о возможности заключения военной конвенции с Советским Союзом. В случае принятия этого решения возникал полноценный военно-политический блок, потенциально способный противостоять любым попыткам нарушить международный статус-кво. Однако подобная перспектива натолкнулась на жесткое сопротивление внутри Франции.

Тон всем недовольным задавали правоконсервативные круги и высшее военное командование. Генерал Гамелен и его ближайшие сотрудники считали боевые качества Красной Армии неудовлетворительными. Сам факт подписания военной конвенции, по их мнению, мало что давал с практической точки зрения и оттолкнул бы от Франции восточноевропейских союзников, сотрудничество с которыми генералы неизменно считали важным. Сближение с СССР едва ли нашло бы понимание в Лондоне и лишь подлило бы масла в огонь французских внутриполитических баталий, создав лишний аргумент для тех, кто считал левое правительство Народного фронта едва ли не агентурой московского коммунистического режима.

Ни Блюм, ни Даладьё не имели принципиальных возражений против соглашения с Советским Союзом, но в сложившихся условиях его реализация требовала с их стороны проявления политической воли. Требовалось не только преодолеть сопротивление генералов. Мощная оппозиция присутствовала в парламенте, не говоря о широких кругах общественности, исповедовавшей антикоммунистические взгляды и изначально с предубеждением смотревшей на правительство, пользовавшееся официальной поддержкой коммунистической партии. Даладьё оказался именно в той ситуации, когда он чувствовал себя наименее уверенно, и в итоге фактически солидаризировался с мнением Гамелена. Как следствие, советско-французские переговоры, начатые по инициативе Блюма, быстро зашли в тупик.

Представители французского генштаба вели их без всякого намерения прийти к результату. Уже после первого тура консультаций в январе 1937 г. советский военный атташе в Париже сообщал в Москву, что сама постановка Гамеленом вопроса перед нами, чем СССР может помочь Франции, не раскрывая при этом конкретно свои собственные планы, доказывает, что Гамелен пошел на этот шаг «в провокационной надежде получить от нас расплывчатый ответ, который позволил бы ему еще раз выступить у себя в Правительстве с утверждением, что Франция может мало выиграть от военного договора с СССР»⁴⁸. Посол СССР во Франции В. П. Потемкин прямо называл Даладьё и Гамелена «противниками франко-советского сотрудничества»⁴⁹. В итоге советско-французские переговоры к лету 1937 г.

⁴⁷ Documents diplomatiques français (1932—1939). 2e série (1936—1939), t. 8. Paris, 1973, p. 829—830.

⁴⁸ Российский государственный военный архив (далее — РГВА), ф. 33987, оп. 3а, д. 1027, л. 29.

⁴⁹ Там же, л. 148.

сошли на нет, и ко времени начала Судетского кризиса почва для практического взаимодействия двух стран в деле противодействия германскому экспансионизму фактически отсутствовала.

Отказавшись от реального соглашения с СССР, Франция обрекла себя на дальнейшее встраивание в фарватер британской внешней политики на правах младшего партнера. В марте 1938 г. Гитлер впервые нарушил границы независимого европейского государства и осуществил аншлюс Австрии. В 1947 г., выступая перед парламентской комиссией, Даладье заявил, что являлся сторонником активных действий, в том числе военных, и даже внес соответствующее предложение на рассмотрение правительства⁵⁰. Современные исследования подтверждают его слова⁵¹. Однако необходимым условием противодействия Германии и Даладье, и его коллеги по кабинету министров считали британскую поддержку французских усилий. Ввиду взятого Лондоном курса на фактическое признание аннексии Австрии, эта оговорка лишала смысла любые инициативы Парижа.

Министр иностранных дел И. Дельбос оправдывал бездействие Франции тем, что ее с Австрией не связывали никакие формальные обязательства по взаимопомощи. Но фактический отказ Парижа от активной роли на международной арене в пользу роли младшего партнера Лондона неизбежно привел бы к ситуации, когда необходимость следовать в фарватере Великобритании пришла бы в противоречие с обязательствами, которые имел Париж перед своими союзниками. Предвидя, что французское правительство окажется не в силах сделать правильный выбор, советский посол в Париже В. П. Потемкин писал в Москву, что Франция придет к «катастрофе», если радикально не изменит курс⁵².

Сформировав в апреле 1938 г. свой третий по счету кабинет министров, Даладье с трибуны парламента заявил о том, что Франция не намерена жертвовать своими интересами ради сохранения иллюзии мира: «Мы хотим мира, опирающегося на уважение права, и не допустим чего-либо похожего на отречение Франции [от ее интересов]. Это было бы предвестником порабощения»⁵³. Речь, к сожалению, шла о пустой декларации. Париж уже не мог позволить себе вести самостоятельную международную политику, и Даладье понимал это лучше многих других. Его действия говорили сами за себя. В качестве главы МИД он выбрал человека, впоследствии завоевавшего репутацию одной из наиболее одиозных фигур предвоенной международной политики. Действительно, во французской политической элите того периода трудно найти более последовательного сторонника курса на «умиротворение» Германии, чем Ж. Бонне. Если Даладье, фактически проводя его, постоянно колебался, то его министр иностранных дел действовал, как правило, уверенно, будучи убежден в том, что альтернативы у Франции нет.

Бонне выступал твердым сторонником политики Великобритании, однако было бы большой ошибкой считать его кем-то вроде простого исполнителя желаний лондонского кабинета. За спиной главы МИД стояли мощные группы влияния. Один из лидеров партии радикалов, он олицетворял то ее крыло, которое с подозрением относилось к «прокоммунистическим» правительствам Народного фронта. Бонне опирался на мощное лобби в Палате депутатов и в Сенате. К нему могли апеллировать и неизменно колебавшиеся перед перспективой войны и мира генералы. Однако, что еще важнее: он озвучивал те настроения, которые

⁵⁰ Rapport fait au nom de la Commission chargée d'enquêter sur les événements survenus en France de 1933 à 1945, p. 26.

⁵¹ Réau E. du. Op. cit., p. 209.

⁵² Карлей М. Дж. Указ. соч., с. 64.

⁵³ Le Populaire, 13.IV.1938.

овладели широкими слоями общественности. В разгар Судетского кризиса секретариат Даладье бомбардировался открытыми адресами от имени едва ли не подавляющего большинства существовавших во Франции общественных организаций. Сообщества ветеранов войны, в начале 1930-х гг. насчитывавшие в своих рядах до 3 млн человек, декларировали полную поддержку политики поиска соглашения с Германией. Национальный союз учителей заявил о своем нежелании «выбирать между войной и рабством» и призвал к продолжению переговоров любой ценой. Организации, представлявшие интересы села, также выступали «против войны, столь губительной для крестьянства»⁵⁴. На дальнейшем «умиротворении агрессора» настаивала и значительная часть крупного бизнеса, например такие его представители, как Л. Рено, а также крупнейшие общенациональные средства массовой информации во главе с газетой «Лё Тан».

Бонне, таким образом, сплотил вокруг себя всех тех, для кого «умиротворение» Германии являлось важнейшей целью не только внешней, но и внутренней политики. В 1938 г. во Франции, переживавшей глубокий социально-политический кризис, жесткий курс в отношении Берлина, перспектива сотрудничества с Москвой, рост влияния левых сил, быстрая политизация широких масс трудящихся, за которой мерещилась тень агентов Коминтерна, слились в единый образ смертельной угрозы. Даладье, который, как кажется, не склонен был ее драматизировать, не мог не учитывать все эти настроения. Назначение Бонне, таким образом, являлось важным шагом навстречу пожеланиям этой значительной части французского общества. Как и Даладье, и его министр иностранных дел, она несет полную ответственность за заключение Мюнхенских соглашений.

Ход развития Судетского кризиса свидетельствует о том, что Даладье действительно понимал всю пагубность последствий сдачи Чехословакии для французской внешней политики. Однако назначение Бонне главой МИД говорило о том, что внутренне он был готов смириться с этой перспективой. При формировании правительства Даладье кризис вокруг Чехословакии уже разгорался: 24 апреля Судето-немецкая партия К. Генлейна приняла так называемую Карлсбадскую декларацию, в которой впервые выдвинула открытые политические требования к властям в Праге. Через месяц после аншлюса Австрии нетрудно было догадаться, к чему это может привести уже в ближайшей перспективе. Еще Дельбос, будучи на посту министра иностранных дел Франции, предвидел, что даже в том случае, если Прага удовлетворит требования судетских немцев, Гитлер найдет другой повод добиться эскалации конфликта⁵⁵. 28 апреля Даладье, полный тревожных предчувствий, прибыл в Великобританию. Через девять лет он вспоминал: «Я отправился в Лондон в надежде сделать Англию союзником в деле возможной защиты Чехословакии, так как я надеялся (возможно, это была иллюзия), что прочное и тесное взаимодействие Великобритании и Франции по этому вопросу могло привлечь в коалицию и другие страны»⁵⁶.

В разговоре со своим британским коллегой Н. Чемберленом Даладье в деталях описал те риски, которые порождал Судетский кризис для европейской безопасности. Местами его слова звучали как настоящее пророчество. «Герр Генлейн, — предупреждал французский премьер, — на самом деле, не хочет никаких уступок, его настоящая цель — разрушение современного чехословацкого государства».

⁵⁴ *Lacaze Y.* L'Opinion publique française et la crise de Munich. Berne, 1991, p. 452—501.

⁵⁵ *Bruegel J. W.* Czechoslovakia Before Munich: The German Minority Problem and British Appeasement Policy. Cambridge, 1973, p. 165.

⁵⁶ Rapport fait au nom de la Commission chargée d'enquêter sur les événements survenus en France de 1933 à 1945, p. 29.

Если закрыть на это глаза, то следующей целью Гитлера станет Румыния, подчинив которую он получит необходимые ресурсы для ведения большой войны на Западе. Войны удастся избежать только в том случае, если Франция и Великобритания займут четкую позицию в защиту Чехословакии. В этом случае, восточноевропейские страны с высокой долей вероятности окажут Парижу и Лондону свое содействие. Последствия противоположного выбора станут губительными», и, предсказывая их, Даладь выступал как резкий критик всей политики «умиротворения»: «Если мы каждый раз будем уступать перед угрозой применения насильственных методов и прямой силы, единственным результатом этого станет поощрение нового насилия и конечный успех силового давления». Пафос Даладь явно предвещал известные слова Черчилля, сказанные им впоследствии о неизбежности войны, которую породят Мюнхенские соглашения: «Если нам снова придется капитулировать перед лицом очередной угрозы, мы тем самым подготовим ту войну, которой так стремимся избежать»⁵⁷.

Анализ дипломатических документов позволяет отвести любые сомнения по поводу того, испытывало ли французское правительство и лично Даладь какие-либо иллюзии насчет возможности ценой уступок Гитлеру избежать войны. Однако Чемберлен придерживался иной точки зрения⁵⁸. Британский премьер-министр усомнился в желании Гитлера уничтожить чехословацкое государство. По его мнению, компромисс оставался возможен, и главное, что требовалось для его достижения — это уступки со стороны официальной Праги немецкому большинству Судет. Ни у Франции, ни у Великобритании нет реальной возможности помочь чехам вооруженной силой. Советский же фактор практически не только не учитывался, а игнорировался, хотя «несомненным желанием Советской России», как указывал У. Черчилль, было «присоединиться к западным державам и принять любые меры для спасения Чехословакии»⁵⁹.

Даладь, чья страна чем дальше, тем в большей степени становилась заложником внешнеполитической линии Форин офиса, не мог уехать из Лондона с пустыми руками. Он удовлетворился мало что значившим согласием Чемберлена сделать представление Берлину о недопустимости агрессивной политики в отношении Чехословакии. Французский премьер вполне отдавал себе отчет в том, что речь идет лишь об иллюзии взаимодействия с Лондоном⁶⁰, но любые, даже небольшие шаги навстречу этой перспективе казались ему важными. Они позволяли добиться взаимопонимания если не с Чемберленом и его министром иностранных дел лордом Галифаксом, то, по крайней мере, с таким влиятельными представителями оппозиции, как Черчилль. Наконец, это позволяло выиграть время и максимально полно реализовать программу перевооружения французской армии.

Генералы по обе стороны Ла-Манша весной—летом 1938 г. выступали против обострения отношений с Германией. Британцы указывали Даладь на то, что их сухопутная армия слишком слаба и малочисленна, а авиация, которую начали активно пополнять и модернизировать, сможет на равных конкурировать с немецкой лишь к весне 1939 г.⁶¹ Позиция французского военного командования также была

⁵⁷ Documents on British Foreign Policy, 1919—1939. Third Series. London, 1949, v. 1, p. 217—218.

⁵⁸ О позиции Великобритании в ходе Судетского кризиса подробнее см.: *Остоя-Овсяный И. Д.* Новое о Мюнхене (по материалам английских архивов). — Новая и новейшая история, 1969, № 4, 5; *Десятков С. Г.* Уайтхолл и мюнхенская политика. — Новая и новейшая история, 1979, № 3—5.

⁵⁹ Churchill W. Op. cit., p. 311.

⁶⁰ Rapport fait au nom de la Commission chargée d'enquêter sur les événements survenus en France de 1933 à 1945, p. 30—31.

⁶¹ Ibid., p. 29.

выдержана в алармистских тонах. Историками достаточно надежно установлено, что летом 1938 г. Германия еще не имела военного перевеса над Францией. В сентябре 1938 г. в беседе с Чемберленом Гамелен оценивал мобилизационный потенциал французской армии в 100 дивизий⁶². По оценке исследователей, Вермахт мог бы противопоставить этому около 80 дивизий, которым пришлось бы сражаться на двух фронтах⁶³.

Тем не менее, следует отметить, что Германия действительно добилась военного превосходства над Францией. Она уже имела три бронетанковые дивизии, в то время как французские еще оставались, в основном, на бумаге. В случае начала войны Люфтваффе, видимо, доминировали бы в воздухе. Генералы всячески подчеркивали эти слабые места французских вооруженных сил. Перед поездкой в Лондон в апреле 1938 г. Даладье заслушал отчет руководства генерального штаба, основная идея которого сводилась к тому, что французская армия не в состоянии предпринять активных наступательных действий в поддержку своих восточноевропейских союзников⁶⁴. С марта по сентябрь начальник штаба ВВС генерал Ж. Вильмэн и министр авиации Г. Ля Шамбр, доверенное лицо Даладье, неоднократно рисовали перед премьер-министром апокалипсические картины уничтожения французских городов эскадрильями немецких бомбардировщиков, которым Франция не смогла бы ничего противопоставить⁶⁵.

Степень готовности Франции к большой европейской войне в 1938 г., действительно, не стоит преувеличивать. Однако лишь во вторую очередь здесь следует говорить о количестве бронетанковых дивизий и самолетов. Гораздо более важными являлись фундаментальные недостатки государственного аппарата Третьей республики, который не позволял быстро сконцентрировать значительные ресурсы в отдельных секторах социально-экономической сферы и обеспечить эффективность управленческого механизма. Авторитарные политические системы имели здесь важное преимущество, и Даладье отдавал себе в этом отчет, когда сожалел о том, что «не может действовать, как Гитлер»⁶⁶.

Неготовность страны к войне стала ходячим образом, глубоко усвоенным французскими генералами. Военная разведка неизменно завывала численность германской армии. На стол политическому руководству страны ложились цифры, которые должны были окончательно отвратить его от идеи вооруженного вмешательства в Судетский конфликт на стороне Чехословакии⁶⁷. Гамелен убеждал Даладье в том, что германские укрепления на берегах Рейна, так называемая линия Зигфрида, превратят любое французское наступление в повторение битвы при Сомме⁶⁸. Это не соответствовало действительности, однако, как справедливо отметил современный историк, «в умах французского руководства, психологически привязанного к идее оборонительной стратегии на начальных стадиях конфликта, западные укрепления Германии представляли как неуязвимые задолго до того, как они вообще были возведены»⁶⁹.

⁶² *Adamthwaite A. P.* Le facteur militaire dans la décision franco-britannique avant Munich. — *Revue des Études Slaves*, 1979, t. 52, № 1—2, p. 65.

⁶³ *Murray W.* The Change in the European Balance of Power, 1938—1939: The Path to Ruin. Princeton, 1984, p. 219—222.

⁶⁴ *Réau E.* *du. Op. cit.*, p. 235.

⁶⁵ *Alexander M. S.* The Republic in Danger, p. 161—171.

⁶⁶ *Maiolo J.* Cry Havoc: How the Arms Race Drove the World to War, 1931—1941. New York, 2012, p. 182.

⁶⁷ *Ragsdale H.* *Op. cit.*, p. 41.

⁶⁸ *Gamelin M.* *Servir*, v. 2. Paris 1946, p. 346—347.

⁶⁹ *Jackson P.* *Op. cit.*, p. 285.

В докладе генерального штаба Франции, представленном вскоре после аншлюса Австрии, называлась истинная причина нежелания французских военных воевать. Его авторы делали вывод о том, что проведение наступательных операций против Германии потребует «полной реорганизации нашей армии и пересмотра нашей политики в военной сфере»⁷⁰. Иными словами, требовалось не просто больше танков и самолетов. На повестке дня вставал вопрос об отказе от всей оборонительной стратегии, глубоко усвоенной целым поколением французского военно-политического руководства.

Даладьё оказался не тем политиком, который мог пойти на подобный шаг. Столкнувшись с нежеланием Лондона связывать себя конкретными обязательствами по помощи Чехословакии, он переключился на работу по модернизации армии и укреплению экономики страны, считая, что более сильная в военно-экономическом отношении Франция будет иметь больше шансов добиться британской поддержки⁷¹. Глава МИД Бонне, убежденный сторонник «умиротворения», таким образом, получил возможность активно влиять на события в тот самый момент, когда они принимали все более серьезный оборот. Последовательность Франции в защите Чехословакии, с которой страну связывал пакт о взаимопомощи, могла бы изменить весь ход Судетского кризиса. Однако эта последовательность так и осталась благим пожеланием. Даладьё, министром его кабинета Ж. Манделю и П. Рейно, выступавшим за жесткую линию в отношении Германии, противостояло влиятельное антивоенное лобби во главе с Бонне. Подобное положение дел обрекало французскую дипломатию на колебания и шатания из крайности в крайность.

МЮНХЕНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

События 20—22 мая 1938 г., на первый взгляд, говорили о решимости Парижа действовать в защиту своего союзника. В эти дни слухи о возможном германском вторжении в Судеты привели к объявлению частичной мобилизации чехословацкой армии и вызвали серьезную внешнюю реакцию. Даладьё вызвал к себе посла Германии и заявил о том, что Франция полна решимости соблюсти свои обязательства перед Прагой в рамках пакта о взаимопомощи. С предостережениями в адрес Берлина выступили Лондон и Москва. Казалось, жесткая линия в отношении экспансионистских стремлений Гитлера, взятая Францией, приносит свои плоды. Но почти сразу начались колебания. Рядом с Даладьё действовал Бонне, и если первый заявлял о верности Франции союзническому долгу, то второй активно встраивался в британскую политику уступок Германии. По договоренности с послом Великобритании в Париже Бонне предостерег чехословацкое правительство от дальнейших самостоятельных действий в ходе Судетского кризиса. Одновременно он заверил своих британских коллег в том, что Франция не предпримет никаких действий, чреватых вовлечением Великобритании в конфликт, без предварительного согласования с Лондоном.

В конце июля стало известно о намерении британского правительства направить в Чехословакию неофициальную миссию во главе с лордом Ренсименом. В ее задачи входило посредничество во время переговоров между правительством Чехословакии и Судето-немецкой партией. Чтобы сделать Прагу уступчивее, Бонне 20 июля без предварительного согласия Даладьё встретился с послом Чехословакии Ш. Осуским и заявил ему о том, что его стране не следует рассчитывать на французскую поддержку в том случае, если она начнет войну с Германией из-за Судет:

⁷⁰ Ibid., p. 283.

⁷¹ Réau E. du. Op. cit., p. 239.

«Разумеется, публично мы будем говорить о своей солидарности, как того желает чехословацкое правительство. Но эта декларация солидарности должна помочь чехословацкому правительству добиться почетного и мирного урегулирования. Ни в коем случае чехословацкому правительству не следует полагать, что в случае начала войны мы будем на его стороне»⁷². В ответ посол констатировал, что Франция окончательно передала управление своей дипломатией Лондону. «Английская гвернантка»⁷³ вплотную занялась французской внешней политикой.

Даладьё смотрел на все это без восторга. Его пометки на стенограмме разговора Бонне с Осуским, опубликованные вместе с самой стенограммой, говорили сами за себя. Премьер-министр подчеркивал, что внешняя политика Франции «формируется Советом министров, а не решением [одного] министра». Однако он мало что мог сделать, не выходя за рамки правил игры, сложившихся в политической верхушке Третьей республики к концу ее существования. В ситуации разброда среди элиты и между основными партиями на фоне растущей социальной дестабилизации достичь единомыслия в процессе принятия решений можно было, лишь добившись концентрации реальной власти в одних руках. В сохранявшейся ситуации всевластия парламентских партий это вообще было проблематично, а в период конца 1930-х годов — практически невозможно.

Даладьё, хотел он того или нет, приходилось делить политическую ответственность за проведение внешней и внутренней политики страны с теми силами, которые представлял Бонне. Попытка поменять такое положение дел потребовала бы от него серьезной поддержки среди элиты и незаурядной политической воли. Когда он формировал свой первый кабинет министров в 1933 г., многие видели в нем нового якобинца. Чтобы переломить ситуацию в 1938 г., ему требовалось выступить именно в этом амплуа — добиться консолидации режима с целью аккумуляции всех ресурсов для подготовки к войне. Даладьё не относился к числу людей, способных на подобные смелые шаги. Премьер-министр, опираясь на своего министра финансов П. Рейно и главнокомандующего армией генерала Гамелена, получив от парламента особые полномочия, вплотную занялся экономикой и перевооружением армии. Однако внешняя политика оказалась в руках человека, считавшего, что на данном этапе в Лондоне лучше знают, что выгодно для Франции.

Бонне извлекал из своей колоды один козырь за другим. Советский Союз, будучи формальным союзником и Франции, и Чехословакии, заявлял о готовности выполнить взятые на себя обязательства. 13 мая в разговоре с Бонне об этом говорил нарком иностранных дел М. М. Литвинов, однако реально помочь Чехословакии СССР смог бы лишь в том случае, если бы Польша или Румыния разрешили проход Красной Армии через свою территорию. Литвинов указал Бонне на это ключевое обстоятельство⁷⁴. Глава французского МИД, констатировав в отчете, что ответ его коллеги был «предельно уклончивым», ухватился за него как за повод быстро «отыграть» советскую карту. Зондаж позиции Польши и Румынии показал, что они не готовы пустить на свою территорию Красную Армию. Особенно жестко звучала позиция Варшавы. Современные исследования установили, что Румыния рассматривала возможность пропуска советских войск, однако Бухарест не хотел действовать без предварительного соглашения с Францией и Великобританией⁷⁵.

⁷² Documents diplomatiques français. 2 série (1932—1939), t. 10. Paris, 1976, p. 437—438.

⁷³ *Bédarida F. Gouvernante anglaise. — Bourdin J., Rémond R. Edouard Daladier, chef de gouvernement. Avril 1938 — septembre 1939. Paris, 1977.*

⁷⁴ *Карлей М. Дж. Указ. соч., с. 65.*

⁷⁵ *Ragsdale H. Op. cit.*

Руководимая Бонне французская дипломатия предпочла констатировать свое бессилие. Летом 1938 г. посол Франции в Советском Союзе Р. Кулондр в беседах с М. М. Литвиновым предлагал советской стороне воздержаться от активных действий ввиду позиции восточноевропейских стран⁷⁶. Французский генштаб со своей стороны достаточно скромно оценивал военный потенциал СССР⁷⁷. Польша, главный союзник Франции на востоке Европы, заявила о своем желании иметь свободу рук в ходе разворачивающегося кризиса. Румыния, видя французские колебания, также сочла за благо остаться в стороне. Москва не уставала подчеркивать, что не может действовать «первым номером»: советско-чехословацкий договор 1935 г. специально обуславливал советскую помощь предварительным согласием Парижа выполнить свои обязательства в отношении Праги. По этому последнему пункту Литвинов, в начале сентября встречался с французскими представителями в Женеве и на их запрос о позиции СССР в случае нападения Германии на Чехословакию от имени Советского правительства дал «четкий и недвусмысленный ответ»: «Мы намерены выполнить свои обязательства по пакту и вместе с Францией оказывать помощь Чехословакии доступными нам путями», а «наше военное руководство готово немедленно принять участие в совещании с представителями французского и чехословацкого военных ведомств для обсуждения мероприятий, диктуемых моментом».

Выступая 21 сентября на заседании ассамблеи Лиги Наций, Литвинов рассказал об этой беседе и подчеркнул, что три дня назад чехословацкое правительство тоже обратилось к СССР с запросом, «готово ли Советское правительство, в соответствии с чехословацким пактом, оказать немедленную и действенную помощь Чехословакии в случае, если Франция, верная своим обязательствам, окажет такую же помощь», и Литвинов заявил, что и на этот запрос Советское правительство дало «совершенно ясный и положительный ответ»⁷⁸. К сожалению, советские представители так и не услышали от своих французских коллег ничего конкретного. Это лишало смысла все последующие переговоры. «Поистине поразительно, — отметил Черчилль, — что это публичное и недвусмысленное заявление одной из величайших заинтересованных держав не оказало влияния на переговоры Чемберлена или на поведение Франции в данном кризисе»⁷⁹.

Бонне играл сразу на трех досках: уверял Лондон в том, что Париж не предпримет никаких серьезных шагов в Судетском вопросе без предварительного согласования с Форин офисом, предупреждал посла Осуского о том, что Франция не вступит в войну против Германии из-за Судет и убеждал советского посла в Париже Я. З. Сурица в том, что французское правительство не может навязывать Чехословакии соглашение, несовместимое с ее суверенитетом и угрожать ее целостности⁸⁰. Все эти метания могли преследовать лишь одну цель — снять с себя ответственность за решение кризиса, ставкой в котором была позиция Франции как великой европейской державы.

Бонне готовил Даладьё к вероятной сдаче Чехословакии. В начале сентября премьер-министр все еще колебался. 8 сентября в беседе с британским послом Э. Фиппсом он заявил, что вся Франция в случае войны из-за Судет выступит «как

⁷⁶ Христовов В. С. Мюнхенское соглашение — пролог Второй мировой войны (по архивным материалам ФСБ России). — Новая и новейшая история, 2009, № 1, с. 30.

⁷⁷ Alexander M. S. The Republic in Danger, p. 299—300.

⁷⁸ Цит. по: Churchill W. Op. cit., p. 274.

⁷⁹ Ibidem.

⁸⁰ Карлей М. Дж. Указ. соч., с. 67.

один человек»⁸¹. Речь Гитлера, произнесенная 12 сентября в Нюрнберге на съезде нацистской партии, не оставляла у Далады сомнений в том, что он имеет дело с опасным авантюристом, готовым на самые крайние меры⁸². Его мнение в правительстве разделяли министры Рейно и Мандель. Бонне же, ухватившись за произнесенные Гитлером заверения в своей приверженности миру во всем мире, удвоил усилия в русле политики «умиротворения». Чемберлен, еще раз убедившись в том, что в Париже нет единой позиции по вопросу разворачивающихся событий, взял инициативу на себя и 15 сентября прибыл на встречу с Гитлером в Берхтесгаден.

В ходе переговоров в Берхтесгадене британский премьер-министр дал принципиальное согласие на передачу Германии Судетской области. После своего возвращения он провел заседание кабинета министров, на котором с докладом об итогах своей миссии выступил лорд Ренсимен. Его выводы звучали однозначно: судетские немцы не могут жить в составе Чехословакии, несмотря на те значительные уступки, которые было готово сделать им пражское правительство. Решение в Лондоне созрело. Оставалось убедить Францию пойти по тому же пути. Далады сомневался. 18 сентября он прибыл на встречу с Чемберленом и начал переговоры с того, что подтвердил свою решимость выполнить обязательства по франко-чехословацкому договору о взаимопомощи. Однако в ходе обсуждений он сдавал одну позицию за другой. В конечном итоге, Далады согласился с главным предложением своего британского коллеги. Утром 19 сентября в Прагу был направлен фактический ультиматум, по условиям которого Чехословакия должна была передать Германии те районы Судетской области, в которых доля немецкого населения превышала 50% от его общей численности, в обмен на совместные франко-британские гарантии своей независимости.

В распоряжении историков есть источники, которые подтверждают, что это решение далось Далады нелегко. Беседуя с работниками французского посольства в Лондоне по итогам встречи с Чемберленом, он сказал: «Я ничем не горжусь, господа... Без сомнения, чехи были нашими союзниками, мы имели обязательства перед ними. То, что я только сделал, нельзя назвать их соблюдением... Вот что я Вам скажу, господа: правда состоит в том, что Франция сильно больна»⁸³. Однако самое трудное было у Далады впереди. Через девять лет после мюнхенской драмы, выступая перед парламентской комиссией, он утверждал, что ни один из членов его кабинета не высказался против принятого в Лондоне решения⁸⁴. Это не соответствует действительности. По возвращению в Париж, Далады ожидало непростое объяснение с его министрами. Рейно и Мандель и трое их коллег по правительству выступили за оказание помощи Чехословакии, угрожая уйти в отставку в случае принятия британских условий. 20 сентября с ними провел переговоры прибывший в Париж Черчилль⁸⁵.

Чехословаки, дав свое принципиальное согласие рассмотреть новые условия, тянули время. Положение дел для них усугублялось тем фактом, что к конфликту подключились Польша и Венгрия, также претендовавшие на части территории Чехословакии. В день получения франко-британского ультиматума президент Э. Бе-

⁸¹ Цит. по: *Lacaze Y. Daladier, Bonnet and the Decision-Making Process during the Munich Crisis, 1938. — French Foreign and Defense Policy, 1918—1940. The Decline and Fall of a Great Power, p. 217.*

⁸² *Réau E. du. Op. cit., p. 254.*

⁸³ *Girard de Charbonnières G. de. La Plus Evitable de toutes les guerres, un temoin raconte. Paris, 1985, p. 159.*

⁸⁴ *Rapport fait au nom de la Commission chargée d'enquêter sur les événements survenus en France de 1933 à 1945, p. 34.*

⁸⁵ *Churchill W. Op. cit., p. 272.*

неш вызвал советского полпреда С. С. Александровского и осведомился, готов ли СССР выполнить свои обязательства в рамках двустороннего пакта о взаимопомощи. 20 сентября Политбюро ЦК ВКП(б) дало положительный ответ на запрос чехословацкого руководства, о чем было проинформировано и французское посольство⁸⁶. Кроме того, Москва официально предупредила Варшаву о том, что ее участие в любой акции против Чехословакии повлечет за собой фактическую денонсацию советско-польского пакта о ненападении со всеми вытекающими последствиями.

В Париже политическая ситуация рисковала выйти из-под контроля. На собрании депутатов парламентской фракции партии радикалов сторонники твердой линии вырвали у Даладь обещание до конца поддерживать Чехословакию перед лицом германской угрозы. Левые депутаты парламента готовили отставку Бонне, в то время как правые во главе с П.-Э. Фланденом строили планы снятия колеблющегося премьер-министра. 23 сентября Даладь встретился с генералом Гамеленом и обсудил с ним перспективы возможного франко-германского вооруженного конфликта из-за Чехословакии. Главнокомандующий армией снова подчеркнул те слабости французских вооруженных сил, которые делали проблематичными полноценные военные приготовления, однако премьер-министр был более настойчив, чем обычно. Гамелен предложил провести частичную мобилизацию, которая позволила бы довести численность действующей армии до 1,2 млн человек, уравнивая ее с Вермахтом, разворачивавшимся для действий против Чехословакии⁸⁷. В тот же день в Праге объявили о всеобщей мобилизации. Французские приготовления начались 24 сентября. Утром 25 сентября Гамелен вызвал к себе советского военно-воздушного атташе и проинформировал его о ходе французской мобилизации⁸⁸.

Ситуация снова оказалась на грани. Аппетиты фюрера росли. Очередной тур челночной дипломатии Чемберлена завершился предъявлением ему новых, более тяжелых условий. На переговорах в Годесберге 23 сентября Гитлер потребовал немедленной передачи Германии большей части Судетской области, проведения референдумов в районах со смешанным населением и удовлетворения территориальных претензий Польши и Венгрии. В Париже сочли эти претензии неприемлемыми. 25 сентября правительство отвергло германский меморандум. Проступали контуры новой внешнеполитической комбинации.

Гитлер, потребовавший передать ему Судеты до 28 сентября, уже не мог выйти из игры без потери лица. Очевидно, вооруженный конфликт становился неизбежным, и чехословацкая и французская армии уже мобилизовывались. Генерал Гамелен действовал без особого энтузиазма, однако при наличии политического решения у него не оставалось альтернативы. У советского военного представителя в Париже намечалось взаимодействие между военным командованием двух стран. 24 сентября посол Р. Кулондр в своей депеше призывал правительство немедленно возобновить переговоры между французским и советским генеральными штабами⁸⁹. Утром 25 сентября советский военно-воздушный атташе в Париже получил из Москвы срочное послание, которое, очевидно, касалось деталей возможного сотрудничества между двумя армиями в случае начала войны. Над Польшей, реши она вмешаться в конфликт, завис бы дамоклов меч советского нападения. В Бухаресте 23 сентября королевский совет рассматривал вопрос о возможной поддержке

⁸⁶ Христофоров В. С. Указ. соч., с. 41.

⁸⁷ Réau E. du. Op. cit., p. 265.

⁸⁸ РГВА, ф. 33987, оп. 3а, д. 1146, л. 159.

⁸⁹ Карлей М. Дж. Указ. соч., с. 74—75.

Румынией Чехословакии и перспективе пропуска Красной Армии через территорию страны⁹⁰.

Все это отнюдь не означает, что 23—25 сентября 1938 г. история могла пойти по совершенно иному пути. Точка зрения ряда исследователей, считающих, что «объединенные вооруженные силы Британии, России, Чехословакии и Франции в 1938 г. были способны стереть вермахт в мелкую пыль»⁹¹ требует, как минимум, уточнения. Однако не вызывает серьезных сомнений тот факт, что сколько-нибудь решительные действия Франции заставили бы Германию воевать в гораздо менее выгодных внешнеполитических условиях, чем годом позже — без прикрытых тылов, при сохранении перспективы формирования антигерманского блока на основе оси Москва — Париж с возможным подключением к ней ряда стран Восточной Европы.

Главное, что получала бы Франция в случае отказа от политики «умиротворения» — это фактическое закрытие перспективы сближения СССР и Германии, которой дипломаты с Кэ д'Орсэ и генералы из Венсена опасались со времен заключения Рапалльского договора. 25—26 сентября 1938 г. Даладьё, Бонне и Гамелен вели новые переговоры в Лондоне с целью убедить британское правительство в необходимости выступить единым фронтом против претензий Гитлера. Французский премьер явно доминировал на встрече. Посол США во Франции У. Буллит, тщательно собиравший информацию и докладывавший ее в Вашингтон, отмечал в своем донесении, что на фоне «изворотливого, но слабого» Бонне Даладьё выглядел «уверенным в себе и выступал с позиции силы». Последний меморандум Гитлера, приводил Буллит слова Даладьё, имел своей целью унижить Францию и Великобританию: «Лучше бороться и умереть, чем принять это унижение... Война рискует оказаться долгой и тяжелой, но какой бы ни оказалась конечная цена, Франция победит»⁹². Гамелен заявил, что французская армия, несмотря на все свои проблемы, готова воевать и рассчитывает на британскую поддержку. Даладьё, впрочем, подтвердил свое намерение продолжить добиваться от Праги выполнения условий, предъявленных ей 19 сентября. По его договоренности с Чемберленом в Германию отправился британский дипломат сэр Г. Вильсон, который должен был надавить на фюрера угрозой присоединения Великобритании к Франции и Чехословакии в случае войны. Однако 26 сентября в речи, произнесенной в Спортпаласе, Гитлер повторил свой ультиматум и установил срок его выполнения 1 октября. После провала миссии Вильсона лондонское правительство отвергло притязания Гитлера. Казалось, что война неизбежна.

Последовавшие за этим события трудно понять без учета целого ряда факторов, плохо поддающихся анализу на основе источников: игры нервов, в которой Гитлер оказался сильнее, иррациональной веры Чемберлена в честность фюрера, того внутреннего страха перед войной, который Даладьё так и не смог изжить, внутреннего нежелания французских политиков рисковать, которое в конце концов проступило через все их бравурные заявления. На заседании правительства Франции 27 сентября участь Бонне, как казалось, решилась. Премьер-министр открыто солидаризовался с теми членами кабинета, которые предпочитали войну дипломатическому фиаско, и перед главой МИД замаячила перспектива близкой отставки. В этой ситуации «партия мира» начала действовать решительно. Бонне еще раз встретился с Даладьё и в личном разговоре вновь вернул к жизни те глубинные со-

⁹⁰ Ragsdale H. Op. cit., p. 130.

⁹¹ Пренапата Г. Д. Гитлер, inc. Как Британия и США создавали Третий Рейх., М., 2007, с. 352.

⁹² For the President Personal & Secret: Correspondence Between Franklin D. Roosevelt and William C. Bullitt. Bullitt O. H. (ed.). New York, 1972, p. 290—291.

мнения, которые премьер-министр, как казалось, смог отодвинуть на второй план: «Степень нашей изоляции катастрофична. Чтобы допустить возможность участия в войне, Франция должна дождаться того момента, когда восстановятся ее силы, ее альянсы, ее армия, ее авиация»⁹³. Снова возникла тема слабости французской авиации, весьма болезненная для Даладье.

Одновременно Бонне получил два послания из Лондона, с содержанием которых не преминул ознакомить премьер-министра. Первое из них фактически дезавуировало договоренности о возможной британской поддержке Франции, достигнутые накануне: королевские ВВС и флот могли быть задействованы лишь в крайнем случае как мера предосторожности, о полноценной мобилизации сухопутных войск не может идти речи, любые формы экономического участия Великобритании в войне подлежат предварительному обсуждению в парламенте. Второй документ логически продолжал смысл первого. В своей телеграмме глава Форин офиса лорд Галифакс настоятельно призывал своего французского коллегу не совершать никаких действий в пользу Чехословакии без согласования с Лондоном⁹⁴. Намек на возможный отказ Великобритании поддержать Францию в грядущей войне звучал недвусмысленно. Впечатление стало окончательным после того, как утром 28 сентября в Париже узнали о том, что Чемберлен без предварительных консультаций с французским правительством согласился участвовать в новой конференции, на которой должна была окончательно решиться участь Чехословакии.

Это была та гиря, которая перевесила чашу весов. Перед Даладье встал выбор: либо продолжать линию на сдерживание Гитлера без британской поддержки, либо сохранить видимость солидарности с Лондоном ценой фактической сдачи международных позиций Франции. Видимо, уже вечером 27 сентября он склонился ко второму варианту. В ночь на 28 сентября французский посол в Берлине А. Франсуа-Понсе получил инструкцию «как можно раньше встретиться с Гитлером, описать сложность созданного им положения дел, показать ему неразумность непримиримой позиции и попытаться отговорить его от выполнения угрозы вторгнуться в Чехословакию до 1 октября»⁹⁵. В ответ послу предложили пригласить Даладье 29 сентября в Мюнхен для участия в конференции, призванной решить участь Чехословакии. Во второй половине дня приглашение было принято. Узнавший от Франсуа-Понсе о положительном решении французского правительства Геринг воскликнул: «Слава Богу! Bravo!».

Бонне благоразумно воздержался от поездки в Мюнхен. Не будучи до конца уверенным в том, что Даладье не передумает в последнюю минуту, он стремился снять с себя лишнюю ответственность. Премьер-министра сопровождали генеральный секретарь МИД А. Леже и Франсуа-Понсе, по преимуществу игравшие роль статистов. Впоследствии Даладье составил описание того, как проходила Мюнхенская конференция. Его текст в архивах обнаружила Э. дю Рео⁹⁶. Глава французской делегации начал, действительно, жестко, заявив, что если цель встречи — обсуждение условий расчленения Чехословакии, то ему остается лишь вернуться в Париж. Франсуа-Понсе подтверждал, что Даладье не был настроен сходу капитулировать⁹⁷. Однако в итоге реализовался тот же сценарий, по которому до этого развивались переговоры в Лондоне. Под нараставшим давлением французский премьер сдавал одну позицию за другой. В основу итогового соглашения, подписанного 30 сен-

⁹³ Цит. по: Réau E. *Op. cit.*, p. 270.

⁹⁴ Documents diplomatiques français (1932—1939). 2e série (1936—1939), t. 11. Paris, 1977, p. 610.

⁹⁵ François-Poncet A. *Op. cit.*, p. 327.

⁹⁶ Réau E. *Op. cit.*, p. 275—279.

⁹⁷ François-Poncet A. *Op. cit.*, p. 331.

тября, с некоторыми поправками лег Годесбергский меморандум Гитлера. Фюрер добился всего, чего хотел.

Даладьё и Чемберлен впоследствии будут переключать друг на друга ответственность за фиаско западной дипломатии в Мюнхене. Оба скажут, что были готовы к созданию единого фронта для сопротивления германскому нажиму, однако вторая сторона, якобы, проявляла нерешительность. В феврале 1939 г. в беседе с Буллитом разгневанный французский премьер назовет своего британского коллегу «старым бревном» и заявит: «Британцы, скорее, предадут любого из своих друзей, чем займут жесткую позицию в отношении Германии и Италии»⁹⁸. Из уст человека, бросившего Чехословакию на произвол судьбы, эти слова звучали, как минимум, странно.

* * *

В интервью, которое Даладьё дал десятилетия спустя после событий 1938 г., скажет: «В Мюнхене я попал в ловушку»⁹⁹. Действительно, необходимо признать, что его отношение к событиям отличалось от позиции, которую занимал Чемберлен. Даладьё не испытывал никаких иллюзий. Возвращение французской делегации из Мюнхена в Париж было столь же помпезным, как и триумф, оказанный соотечественниками британскому премьеру. На аэродроме в Ле Бурже ее встречал Бонне. Он занял место рядом с Даладьё в машине, которая направилась к Триумфальной арке. Улицы столицы заполнил ликующий народ. Министр иностранных дел был доволен: политика, которую он проводил на протяжении полугода, принесла свои плоды. Однако премьер-министр не разделял его чувств. Пребывавший в подавленном настроении с момента подписания сделки с Гитлером, он сказал сопровождавшему его Леже: «Люди сошли с ума»¹⁰⁰. Вечером того дня Даладьё в том же духе говорил со своим сыном: «Не беспокойся — ты будешь воевать, и война продлится гораздо дольше, чем мы того хотим»¹⁰¹.

Даладьё оправдывал себя тем, что выиграл для Франции время, которое она могла потратить на подготовку к войне. Эту мысль премьер-министр сделал центральной в ходе своего выступления в парламенте по итогам переговоров в Мюнхене¹⁰². Следует признать, что в военно-экономическом отношении французское руководство достаточно эффективно использовало выигранный год: в сентябре 1939 г. страна и ее армия были готовы к войне лучше, чем в сентябре 1938 г.¹⁰³ Сорванная Гитлером в марте 1939 г. мюнхенская сделка открыла глаза британцам: спохватившись, они серьезно пересмотрели свои взгляды на международную политику, дали французам формальные гарантии своей поддержки в случае начала войны, что привело к фактическому сворачиванию политики «умиротворения». Провалившаяся попытка действовать против Гитлера без участия СССР сподвигла западные столицы к началу прямых переговоров с Москвой в мае 1939 г.

Но, тем не менее, Мюнхен был той точкой, после прохождения которой драматическое развитие событий стало необратимым. Франция как великая европейская держава расписалась в своей недееспособности. Это понимали уже современники. «Франции, — признавался М. М. Литвинову в сентябре 1938 г. Эррио, — сейчас

⁹⁸ For the President Personal & Secret: Correspondence between Franklin D. Roosevelt and William C. Bullitt. Bullitt O.H. (ed.), p. 310.

⁹⁹ *Le Goyet P.* Munich. Pouvait-on et devait-on faire la guerre en 1938. Paris, 1988, p. 13.

¹⁰⁰ *Réau E. du.* Op. cit., p. 285.

¹⁰¹ *Daladier E.* Journal de captivité. Paris, 1991, p. 15.

¹⁰² Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Chambre des députés. 4.X.1938.

¹⁰³ *Alexander M. S.* The Fall of France, 1940. — Journal of Strategic Studies, 1990, v. 13, issue 1.

уже не под силу играть роль действительно великой державы: численность ее населения падает, финансы в полном расстройстве, внутренняя борьба обострена до крайности, авиация запущена, связи в Центральной и Восточной Европе подорваны и существуют больше номинально... Скоро наступит момент, когда Франции придется делать выводы из создавшейся ситуации». «Вот до чего докатилась Третья Республика!», — подытожил записавший суть этого разговора И. М. Майский¹⁰⁴.

Советские дипломаты видели глубокие предпосылки внешнеполитического фиаско Парижа. В письме в Москву от 12 октября полпред СССР Я. З. Суриц констатировал, что «Франция пережила свой второй Седан»¹⁰⁵. Причинами этого он называл те факторы, которые советское руководство традиционно ставило во главу угла. В первую очередь речь шла об измене элит, которые, используя нежелание общества воевать, его неуверенность в своих силах, пошли на уступки «внутренней реакции» в ее стремлении покончить с коалицией Народного фронта внутри страны и окончательно вбить клин между Францией и СССР. Эта версия событий впоследствии ляжет в основу советской историографии Мюнхенского кризиса.

Однако Суриц признавал, что свою роль сыграли и другие, не столь очевидные для советского руководства, но не менее важные факторы: «Никто из [растерянных хозяев теперешней Франции] не чувствовал себя способным руководить современной войной. Ни у кого не было ни воли, ни энергии, ни хватки, ни размаха людей типа Клемансо и даже Пуанкаре. Мысль невольно цеплялась за всякий исход, который отсрочивал таковое решение, который предоставлял какую-то передышку, передышку, хотя бы купленную ценой унижения и тяжких жертв. Ощущение глубокого поражения и сознание позорности сыгранной роли бесспорно не чуждо всем этим деятелям 30 сентября»¹⁰⁶.

Эти пороки процесса принятия решений во французской политической системе не были изжиты после Мюнхена. Наоборот, расписавшись в собственной недееспособности, руководство Франции действовало все менее решительно, что в ситуации галопирующей эскалации международных противоречий было смерти подобно. Советский Союз сделал для себя все выводы. Еще в мае посол Кулондр предупреждал свое министерство иностранных дел: «Если западные державы допустят удушение Чехословакии, советское правительство порвет с [политикой коллективной безопасности] и повернется к Германии, предоставив ей свободу рук в Европе»¹⁰⁷. Мюнхен нанес сокрушительный удар по перспективе советско-французского сотрудничества, заронив в головы советских руководителей мысль о целесообразности диалога с Германией, которая, по крайней мере, проводила понятную и уверенную внешнюю политику. «17 октября 1938 г., в постмюнхенском контексте, — напоминает С. Дюллен, — в Кремле обсуждался возможный разрыв советско-французского договора о взаимопомощи»¹⁰⁸.

Главное, что получил Гитлер вместе с Судетской областью Чехословакии — это не квадратные километры территории, не новые миллионы рабочих и солдат, а авторитет и положение хозяина Центральной Европы, за которым всегда остается последнее слово. Франция же окончательно сошла на вторые позиции в мировой политике, вверив свою судьбу «английской гувернантке». Катастрофа мая—июня

¹⁰⁴ Майский И. М. Дневник дипломата. Лондон, 1934—1943, кн. 1. М., 2006, с. 272.

¹⁰⁵ Цит. по копии донесения Я. З. Сурица, адресованного наркомом обороны СССР К. Е. Ворошилову. — РГВА, ф. 33987, оп. 3а, д. 1146, л. 173.

¹⁰⁶ Там же, л. 180.

¹⁰⁷ Documents diplomatiques français (1932—1939). 2e série (1936—1939), t. 9. Paris, 1974, p. 965—976.

¹⁰⁸ Дюллен С. Сталин и его дипломаты: Советский Союз и Европа, 1930—1939. М., 2009, с. 247.

1940 г. с этой точки зрения была лишь последним ударом по рассыпавшемуся зданию Третьей Республики. Для Парижа курс на «умиротворение агрессора» стал осознанным актом политического самоубийства. Э. Даладье нес за все это серьезную ответственность. Ее ничуть не умаляет тот факт, что он лучше многих других французских руководителей понимал последствия подобной политики. Скорее наоборот. Однако имел ли премьер-министр реальную возможность переломить ситуацию? Несмотря на то, что она в дни обострения Судетского кризиса балансировала на грани, на этот вопрос стоит дать отрицательный ответ. Старая Франция, определявшая судьбы мира, канула в лету. Даладье, не желая того, стал одним из ее могильщиков.